

Жаклин Уилсон
Девчонки и любовь
Серия «Девчонки», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7273117
Уилсон Ж. Девчонки и любовь : роман : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69784-7

Аннотация

Элли не может дождаться встречи со своими лучшими подругами Магдой и Надин – как же она по ним соскучилась! Наконец они смогут поболтать вволю, обсудить одноклассниц, повздыхать о том, как скучно торчать все каникулы за городом... Но, оказывается, Магда прекрасно провела время на каком-то курорте, где вокруг нее крутились симпатичные мальчики. А у Надин появился парень, да еще такой красавчик! И только Элли нечем поделиться с подругами, ведь у нее не случилось ни одного даже малюсенького романа. С другой стороны – зачем об этом рассказывать? Куда как интересней поведать о встрече с парнем мечты, пусть даже это и неправда. И девчонка принялась сочинять... Но вот получится ли у нее остановиться?

Содержание

Девять посвящений	5
Девять зарок на новый учебный год:	6
Глава 1	7
Девять моих кумиров	14
Глава 2	16
Девять желаний	22
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жаклин Уилсон

Девчонки и любовь

Jacqueline Wilson

GIRLS IN LOVE

Text copyright © Jacqueline Wilson, 1997

This edition is published by arrangement with David Higham Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency.

© Соколова Д., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Девять посвящений

1. Стефани Даммлер и всему девятому классу «Венера» (выпуск 1995 года) школы для девочек Кумби.
2. Беки Хитер и девятым классам «Каштан» и «Бук» (выпуск 1995 года) школы для девочек Грин.
3. Джейн Инглес и ученикам школы Хиллсайд.
4. Клэр Друри и ученикам школы Фейлсворт – особенно Жаклин и Рэчел.
5. Саре Гринакр и ученикам школы Стоук.
6. Ученикам школы Святого Бенедикта.
7. Анджеле Дерби.
8. Беки Хиллман.
9. Всем школам, которые принимали меня в гостях в 1995 и 1996 годах.

Девять уроков на новый учебный год:

3. Постараться не завалить остальные предметы.

5. Придумать, что сделать с волосами.
Отрастить? Подстричь? Покрасить?

6. Устроиться куда-нибудь подрабатывать, как только мне исполнится 14, а на заработанные деньги...

9. ОБЪЕДИНИТЬ ПАРНЕМ!

Глава 1

Одна девчонка

Вот и первый день нового учебного года. Я плетусь в школу пешком, потому что опоздала на автобус. Веселенькое начало девятого класса¹. Интересно, каким он для меня будет...

Номер девять, номер девять, номер девять...

Прямо как в том загадочном речитативе в конце «Белого альбома» у «Битлз»². Я всегда чувствовала, что у нас с Джоном Ленноном много общего, хотя так вышло, что он погиб еще до моего рождения. Мне нравятся его забавные рисуночки и «бабулькины» круглые очки, нравится, что он был остроумным и всегда все делал по-своему. Я тоже рисую забавные рисуночки и ношу «бабулькины» очки, а мои подруги считают меня остроумной. Но вот все делать по-своему мне никогда не удастся.

Половина девятого. Если бы сейчас я собралась поступить по-своему, то повернула бы домой, плюхнулась в постель, укуталась бы в одеяло да и захрапела. Джон Леннон, между прочим, любил устраивать лежачие демонстрации, когда они с Йоко Оно целыми днями просиживали в постели. Даже интервью журналистам давали не вылезая из-под одеяла. Прикольно.

Так вот, имей я возможность поступать по-своему, то проспала бы до полудня. Потом бы позавтракала. Пончиками с какао. Потом бы послушала музыку и порисовала в альбоме. Может, посмотрела бы видео. Потом бы пообедала. Заказала бы пиццу на дом. Хотя лучше заменить ее салатом. А то за целый день в постели недолго и разжиреть. Не хочу стать похожей на выбросившегося на берег кита.

Так вот, пообедаю зеленым салатиком. И зеленым виноградом. Интересно, чего бы такого зеленого попить? Помню, как-то я попробовала в гостях у Магды мятный ликер. Не скажу, что сильно понравилось. Как будто зубной пасты наелась. Ладно, обойдусь.

После обеда позвоню Магде и Надин, поболтаю с ними о всяком разном. А потом...

Потом наступит вечер, я приму ванну, помою голову и переоденусь в... Во что бы такое переодеться на ночь? Уж точно не в свою ночнушку с медвежатами. Слишком малышовая. Правда, все эти шелковые облегающие комбинации мне тоже не по вкусу. Знаю: я надену длинный белый пеньюар, расшитый розами всех цветов радуги, украшу пальцы сверкающими перстнями и улягусь на подушках, как Фрида Кало³. Я всегда восхищалась этой южно-американской художницей с красивыми густыми бровями, тяжелыми серьгами и яркими цветами в волосах.

Лежу я, значит, в постели – вся из себя такая красивая. Слышу, как внизу открывается дверь. Слышу шаги на лестнице. Ко мне пришел мой парень...

Только вот вся штука в том, что нет у меня никакого парня. Впрочем, как нет и нарядов Фриды Кало, и телефонной трубки на ночном столике, и собственного телевизора с видео-плеером в спальне, и даже матрас на кровати провис чуть ли не до самого пола, потому что мой младший брат Цыпа, когда меня нет поблизости, использует его как батут. Но со всем этим я готова смириться. Лишь бы только у меня появился парень. Ну, пожа-пожа-пожалуйста!

Как только в голове у меня проносится эта мысль, из-за припаркованной у бордюра машины мне навстречу выскакивает сногшибательный блондин с огромными карими гла-

¹ В Англии дети идут в школу с пяти лет, поэтому героиням этой книги в начале 9-го класса по 13 лет.

² Имеется в виду предпоследняя композиция «Revolution 9» (Революция 9). (Здесь и далее прим. перев.)

³ Фрида Кало де Ривера (1907–1954) – мексиканская художница (прим. ред.).

зами. Он подается чуть в сторону, чтобы уступить мне дорогу, но одновременно с ним я делаю шаг в том же направлении. Он ступает в другую сторону, и я делаю ровно то же самое! Со стороны мы смахиваем на неуклюжих танцоров, репетирующих парные движения.

– Ой, прости, – бормочу я, чувствуя, как мои щеки заливаются краской.

Парень ничего не отвечает и только слегка поводит бровью. А потом улыбается.

Он мне улыбается!

В конце концов парень уходит своей дорогой, а я стою на месте в блаженной прострации.

Оборачиваюсь посмотреть на него. Он тоже оборачивается. Невероятно, но факт! Может, я ему понравилась? Нет, быть такого не может. Что этот умопомрачительный красавчик, которому на вид не меньше восемнадцати, смог найти в неуклюжей школьнице, неспособной даже нормально пройти по прямой?

Но, похоже, обернулся он не на мое лицо. Он смотрит куда-то вниз. Уставился на мои ноги! О боже, неужели моя юбка неприлично коротка? Я сама подшивала ее вчера вечером. Анна предлагала мне свою помощь, но я-то знаю, что она убрала бы всего пару сантиметров, не больше. А мне хотелось по-настоящему короткую юбку. Правда, с кройкой и шитьем у меня не очень, поэтому край получился не совсем ровным. Когда я примерила юбку, оказалось, что сзади оголилась изрядная часть моих пухлых розовых ляжек.

Анна ничего не сказала, но я точно знаю, что она подумала. Зато отец высказался со всей прямоотой:

– Боже правый, Элли, эта юбка едва трусы прикрывает.

– Ну, пап, – вздохнула я, – ты отстал от моды. Сейчас все так носят.

Что есть, то есть. У Магды юбка еще короче. Правда, ноги у нее при этом длинные и загорелые. Она вечно ими недовольна и ворчит, что сильно выпирают мышцы. Раньше она занималась балетом и чечеткой, а теперь танцует джаз. Ворчит-то она ворчит, но скорее из притворства и использует любой удобный момент, чтобы только выставить свои ноги на всеобщее обозрение.

Надин тоже носит короткие юбки. Ее ноги никогда не бывают загорелыми. Они либо черные, если она в черных колготках, либо белые, когда она без них. Надин терпеть не может загорать. Она готическая девушка вампирского телосложения. Тонкая, как тростинка, и бледная. Со стройными ногами короткие юбки смотрятся куда лучше.

Как же тяжело осознавать, что две твои лучшие на свете подруги гораздо стройнее тебя! Еще тяжелее свыкнуться с мыслью, что даже твоя мачеха стройнее тебя. Настоящая фотомодель. Анне всего двадцать семь, но выглядит она еще моложе. Когда мы вместе идем по улице, нас принимают за сестер. Хотя мы ни капли не похожи. Она такая худощавая и высокая. А я низенькая и пухлая.

Не то чтобы я толстая, нет. Но у меня округлое лицо. И вообще все округлое. Округлый живот и округлая попа. Даже колени округлые. Грудь, правда, тоже довольно округлая. Магда ради таких округлостей носит лифчики с поролоном, а Надин пока совсем плоская.

Одним словом, против округлостей в верхней части туловища я ничего не имею. Но хотелось бы, чтобы в нижней части этих округлостей было поменьше. Должно быть, со стороны я выгляжу просто ужасно. Неудивительно, что он так долго пялится.

Я быстренько заворачиваю за угол, вся в расстроенных чувствах. От волнения ноги подкашиваются так, что трудно ступить. Можно подумать, они тоже покраснели от стыда. Мои ноги похожи на два розовых окорока. И зачем я только себя обманываю? Конечно же я толстая. Пояс моей неприлично короткой юбки больно врезается в талию. За лето я точно растолстела. Особенно за последние три недели житья в деревенском доме.

Ну почему, почему жизнь так несправедлива?! Все отправляются на каникулы в интересные заграничные поездки. Магда была в Испании. Надин – в Америке. А я — в нашем

сыром и унылом доме в Уэльсе. Все три недели там лило как из ведра. Мне настолько осточертело сидеть целыми днями в четырех стенах и играть с Цыпой в малышковые игры типа подкидного дурака или «Привет, Валет», смотреть плохонький черно-белый переносной телек и месить грязь резиновыми сапогами, что от скуки я начала жевать все подряд.

Завтрак, обед, ужин и тридцать три перекуса в промежутках. Шоколадные батончики «Марс» и мармеладки, попкорн и кукурузные чипсы, картофельные чипсы и шоколадное мороженое. Неудивительно, что я так растолстела и теперь вся колыхаюсь, как желе. Фу, кажется, у меня даже колени колыхаются при ходьбе.

Ненавижу ходить пешком. Не вижу никакого смысла в пеших прогулках, когда полдня всем нужно куда-то тащиться по размытой дождем дороге только ради того, чтобы, сделав круг, вернуться в то же самое место, откуда ушли. В Уэльсе мы обычно только этим и занимаемся.

Анна с отцом всегда шагают впереди. Вокруг них жеребенком скачет Цыпа. Я плетусь в хвосте процессии, чавкая по грязи резиновыми сапогами и думая по себя: неужели всем, кроме меня, действительно весело? Ну почему, почему из всех возможных мест на земле загородный дом у нас именно в Уэльсе? Почему бы не обзавестись виллой где-нибудь в Испании или квартирой для отдыха в Нью-Йорке? Везет же все-таки Магде и Надин. И хотя Магда с семьей ездили в Испанию по путевке и жили в многоэтажном отеле, а Надин из всей Америки побывала только в Диснейленде в Орландо, у них, по крайней мере, была возможность насладиться там жарким летним солнышком.

А у нас в Уэльсе что ни день, то проливные дожди. Черные тучи здесь такая же привычная часть пейзажа, как и горы. Дождь льет даже в доме, а все потому, что папа считает, будто сам может залатать крышу, без помощи профессионалов, ну и в результате делает все кое-как. По всему второму этажу вечно расставлены тазы, ведра и миски, поэтому день и ночь на все лады раздается сильно действующее на нервы «кап-кап».

Когда мы в сотый раз пошли осматривать до смерти надоевшие развалины близлежащего старинного замка, мне сделалось так тоскливо, что захотелось немедленно броситься вниз головой прямо с вершины серой зубчатой башни. Я прислонилась к каменной стене, пытаясь отдышаться после крутого подъема и представляя себе, каково это – взять и броситься в зияющую пустоту. Огорчился бы кто-нибудь всерьез, разбейся я в лепешку о каменные плиты внутреннего двора? Отец с Анной в четыре руки вцепились в Цыпу, боясь, как бы он не свалился, а меня никто и не подумал придерживать, даже когда я по пояс свесилась из бойницы.

Они попросту прошли мимо, держа Цыпу за ручки и на два голоса вещая ему о средневековых земляных валах и котлах с кипящим маслом. На мой взгляд, они слишком усердствуют с его ранним развитием. Цыпа еще даже не может без ошибок написать слово «замок», а они уже пичкают его разными сведениями. Когда я была маленькая, отец со мной так не возился. Он вечно был занят или пропадал на работе. А когда мы выезжали на каникулы, целыми днями рисовал где-нибудь на природе. Но мне тогда было все равно. В то время у меня еще была мама.

При мысли о маме я вконец падаю духом. Все почему-то считают, будто я ее совсем не помню. Вот глупые. Я столько всего помню про маму, что даже не перечесть. Помню, как мы играли с моими куклами Барби, как пели песни и как она разрешала мне мазаться ее косметикой, и примерять украшения, и надевать шелковый розовый халат и туфли на каблучках.

Мне так часто хочется поговорить о ней, но отец каждый раз только мрачнеет и уходит в себя. Он хмурится так, словно у него болит голова. Он не хочет вспоминать о маме. Конечно, ведь у него теперь есть Анна. И у них обоих есть Цыпа.

А у меня никого нет. Я так раскисла от собственных грустных мыслей, что решила немного поотстать от Анны с отцом и побродить в одиночестве. Дошла до конца крепостной стены и обнаружила там полуразвалившуюся оружейную башенку. Вход в нее из соображений безопасности был огорожен канатом. Поднырнув под него, я стала карабкаться по скользким ступенькам в крошечной тьме до тех пор, пока не оступилась и не растянулась на лестнице, ударившись коленом. Было не слишком больно, но я почему-то разревелась. От слез все поплыло у меня перед глазами, и вместо того чтобы карабкаться дальше, я присела на ступеньку и принялась хлюпать носом.

Носового платка у меня с собой не оказалось. Очки покрылись солеными разводами, а из носа свесилась длинная сопля. Я кое-как протерла стекла и высморкалась. Ступеньки были холодными и мокрыми, так что влага просочилась даже сквозь ткань джинсов, но я продолжала сидеть на месте. Наверное, ждала, что отец вернется и будет меня искать. Вот я ждала, ждала, ждала... И наконец услышала шаги. Я замерла и наострила уши. Слишком легкая поступь для моего отца. И слишком быстрая, чтобы я успела убраться с дороги. Кто-то перелетел через меня, и мы одновременно вскрикнули:

– Ой!

– Ай!

– Прошу прощения, я не заметил, что здесь кто-то есть!

– Ты уперся в меня коленкой!

– Прости, прости, давай помогу тебе встать.

– Осторожнее! – Он так сильно потянул меня за руку, что мы оба чуть не потеряли равновесие.

– Ой-ёй!

– Аккуратнее!

Я высвободила руку и встала, прислонившись спиной к влажной стене. Он тоже выпрямился. В темноте я могла лишь смутно различить его силуэт.

– Почему ты сидишь тут одна? Ты что, упала и не можешь идти?

– Ничего подобного. Хотя теперь-то я наверняка идти не смогу. Все тело ноет.

– Ох, прости. Впрочем, я это уже говорил. Похоже, у меня от удара пластинку заело. Смотри, если останешься сидеть тут впотьмах, то в следующий раз по тебе пройдет отряд бойскаутов или группа американских туристов во главе с экскурсоводом. Ну вот, несу тут всякую чушь... сложно поддерживать разговор, если не видишь собеседника. Пойдем лучше поднимемся на свет.

– Вряд ли получится. Ступеньки вверх вроде закончились.

– Ну, тогда давай спустимся вниз.

Я поспешно вытерла лицо рукавом. Продолжать сидеть в башне не имело смысла. И папа, и Анна, и Цыпа наверняка обо мне позабыли. Должно быть, они уже вернулись домой. Дня через три они, конечно, спохватятся и зададутся вопросом: а где, собственно, Элли? А потом пожмут плечами и снова забудут.

У парня, что налетел на меня, создалось впечатление, будто я чего-то боюсь.

– Если хочешь, могу взять тебя за руку, чтобы помочь спуститься, – предложил он.

– Спасибо, я и сама справлюсь, – ответила я.

Спускаться было и впрямь страшно. Ступеньки скользили, а перил никаких не было. Один раз я оступилась, но парень вовремя успел меня подхватить.

– Осторожно! – крикнул он.

– Куда уж осторожнее, – буркнула я.

– Спорим, внизу нас уже поджидает охранник, чтобы прочесть лекцию о том, как нехорошо нарушать правила безопасности, – сказал он. – Со мной это вечная история. Как только вижу что-нибудь огороженное, мне тут же не терпится туда пробраться, и всем приходится

меня ждать. Из-за этого друзья и родственники прозвали меня Тормоз Дэн. Хотя на самом деле я Дэниэл. Тормозом меня зовут, только когда сильно злятся. А обычно просто Дэн.

Он продолжал трещать языком до тех пор, пока мы наконец, жмурясь с непривычки, не вылезли на свет божий. «Просто Дэн» был великолепен. Особенно бросались в глаза взъерошенные патлы и курносый нос, который он усиленно морщил, чтобы поправить очки.

Я поморгала сквозь собственные заляпанные линзы и присмотрелась получше.

– Так это ты! – воскликнули мы почти одновременно.

Его семья тоже владела полуразвалившимся и отсыревшим домом всего в полумиле от нашего. Мы часто встречали их в местном супермаркете или в деревенском пабе по вечерам. Наши отцы иногда вместе играли в дартс. А Анна с его матерью в это время вели светские беседы. При этом они выглядели так, словно прилетели с разных планет, несмотря на то, что обе были в джинсах, трикотажных свитерах и ботинках. Узкие джинсы Анны плотно облегли ее маленькую подтянутую попку, свитер – из дизайнерского магазинчика, а остроносые ботинки были украшены металлическими пряжками. У мамы Дэна попа во много раз больше моей, все свитера сидели на ней в обтяжку, а один даже разошелся по швам. Ее ботинки были самыми настоящими туристическими ботинками, густо заляпанными грязью.

Семейство заядлых походников, готовых двинуться в путь в любую погоду. Иной раз мы видели, как они в оранжевых анораках выходили из дома под проливным дождем, а через несколько часов их яркие фигурки, похожие на крошечные живые бархотки⁴, уже маячили на вершине какого-нибудь отдаленного холма. В семье у них было пятеро детей, все такие серьезные и немного не от мира сего. Дэн – мой ровесник, самый старший, а ростом на добрый дюйм ниже меня, и это при том, что я сама невысокая. Из кармана анорака у него торчал толстенный путеводитель по замкам. Ну еще бы.

– Добрались! – завопил Дэн, как будто мы с ним из космоса вернулись. В порыве радости он попытался перепрыгнуть через оградительный канат, но запутался ногами и загремел на пол.

– Теперь понимаю, почему тебя зовут Тормоз Дэн, – вздохнула я, переступая через канат.

Ни отца, ни Анны с Цыпой поблизости не наблюдалось. Может, они и в самом деле ушли без меня?

– А тебя как зовут? – спросил Дэн, отряхиваясь. – Рапунцель?

– Как?

– Ну, ты томилась в башне, а я тебя спас, разве нет?

У меня перед глазами тут же встала картонная детская книжка с картинками:

– А ты, значит, сказочки любишь?

Мне всего лишь хотелось подколоть его, но он воспринял мой вопрос всерьез.

– Не то чтобы сильно люблю, но ничего против них не имею, – ответил он. – Кстати, перед поездкой сюда отец подарил мне экземпляр «Мабиногиона».

С таким же успехом он мог говорить со мной на валлийском, потому что я ничего не поняла.

– Это сборник сказочных валлийских повестей. Местами очень даже романтических. Могу как-нибудь одолжить тебе почитать, если захочешь.

– Боюсь, это не совсем в моем вкусе.

– Что же тогда в твоём вкусе? Что ты вообще любишь читать? И что это за черный блокнот, который ты везде носишь с собой?

Его наблюдательность меня удивила. Не знала, что он так внимательно меня разглядывал. Блокнот я всегда прятала в карман куртки.

⁴ Бархотки, или бархатцы, – очень распространенные садовые цветы желто-оранжевого цвета (прим. ред.).

- Альбом для рисования.
- Дай посмотреть, – сказал он, хлопая меня по карману.
- Не дам!
- Да ладно, не стесняйся.
- Я не стесняюсь. Просто это очень личное.
- А что ты там рисуешь? Замки?
- Нет, не замки.
- Горы?
- И не горы.
- Тогда что?
- О господи, какой же ты приставучий.

В ответ он соорудил мне смешную рожицу, и я сдалась:

- Я рисую мультяшек. Всякие забавные картинки.

– Классно! Я такое люблю. А комиксы рисуешь? Мне лично нравятся про Кельвина и Хоббса⁵. И про Астерикса. Я скупил все выпуски. Смотри, у меня даже носки с Милу⁶. – Он задрал штанину и подтянул свои сморщившиеся гармошкой носки.

- Прикольно, – сказала я.

- Знаю, знаю, – хихикнул он, – модником меня не назовешь.

Тут он был прав на все сто. В Лондоне я бы со стыда сгорела, если бы кто-то заметил, что я с ним разговариваю. Но вообще-то он был забавный, как шаловливый щенок. И даже не замечал, что я на него злюсь. Хотя на самом деле против него лично я ничего не имела. Просто я разнервничалась из-за своих легкомысленных родственников, бросивших меня здесь одну.

Его же родственники столпились у подножия крепостной стены и придирчиво разглядывали каменную кладку.

– Эй, Дэн, иди сюда, нам срочно нужен путеводитель по замкам! – крикнула одна из его сестер, заметив нас.

Остальные крошечные бархотки радостно замахали руками и тоже закричали.

– Придется к ним спуститься, – вздохнул Дэн. – Иначе они не отстанут. Пойдешь со мной?

Я последовала за ним вниз. Ни отца, ни Анны, ни Цыпы по-прежнему нигде не было видно. Пожалуй, мне стоило на время прибиться к клану оранжевых бархоток. Вконец отчаявшись отыскать своих, я уже была готова и на это.

Но вот у самой крепостной стены я неожиданно наткнулась – на кого бы вы думали? Правильно – на папу, Анну и Цыпу, которые как ни в чем не бывало прогуливались под ручку.

- Привет, Элли, – обрадовался отец. – Вижу, ты завела себе друга?

Дэн заулыбался. Я смирила отца сердитым взглядом.

- Где вы пропадали? – спросила я.

– Мы объясняли Цыпе, как в средневековых замках был устроен туалет, а потом ему и самому захотелось, и мы пошли искать кабинки. Элли, бедняжка, ты перепугалась?

- Да нет, в общем, – мрачно отозвалась я.

- Пока! Еще увидимся, Элли, – попрощался со мной Дэн.

После этого случая я видела его еще несколько раз. В основном в компании рыжих бархоток. И Цыпы. А еще они пригласили нас на прощальный пикник. В тот день моросил дождь, так что нам пришлось есть размякшие сэндвичи, водянистые сосиски и кашеобразные чипсы. Но, похоже, никого, кроме меня, это не расстроило. Дэн без усталости развлекал

⁵ Герои американского комикса – шестилетний мальчик Кельвин и плюшевый тигр Хоббс.

⁶ Пес-фокстерьер из «Приключений Тинтина».

малышей. Цыпа в него прямо-таки влюбился. Когда мне надоело наблюдать за их дуракава-
лнием и глупой возней, я села в сторонке на мокрый камень и принялась рисовать.

Я так увлеклась, что очнулась, только когда над страницей нависла чья-то голова. Я
тут же прикрыла блокнот руками.

– Покажи, – попросил Дэн.

– Не покажу.

– Жадина. Ну покажи, пожалуйста. Сегодня ведь последний день каникул.

– Слава богу.

– Как это?

– Надоела уже эта сырость.

– Ты шутишь? Здесь же классно. Да и кому охота возвращаться домой? Тем более в
понедельник в школу. Бе-е-е, гадость. Чего там делать, в этом девятом классе.

– Ты же не в девятом, – поправила я. На днях выяснилось, что Дэну всего двенадцать.
Такого и подростком-то не назовешь.

– В девятом.

– Не ври. Ты пойдешь в восьмой, вместе с другими маленькими мальчиками.

– Да нет же, я иду в девятый, честно. – Дэн, похоже, смутился. – Просто я перескочил
через класс.

– Ты что, шибко умный?

– Угадала.

– Так и знала, что ты зубрила.

– Ты должна радоваться, что встречаешься с таким суперинтеллектуалом, как я, – улыб-
нулся Дэн.

– Я с тобой не встречаюсь, придурок.

– А могла бы.

– Что?

– Ты мне нравишься, Элли, – сказал он со всей серьезностью. – Будешь моей девушкой?

– Да ни за что на свете! Ты же еще ребенок!

– То есть молодой ухажер тебе не нужен?

– Нет уж, увольте.

– Может, мы хотя бы будем видеться время от времени?

– С ума сошел, Дэн? Ты живешь в Манчестере, а я в Лондоне, – усек?

– Тогда, может, будем переписываться?

Он продолжал занудствовать в том же духе, и в конце концов мне пришлось нацарапать
ему свой почтовый адрес на листке, вырванном из блокнота. Зная Дэна, могу предположить,
что он его тут же потерял. Не то чтобы я его так уж хорошо знаю... Но даже если листок
с адресом все еще при нем, он не соберется мне написать. А если и напишет, то я вряд ли
отвечу. Какой смысл? Он всего лишь пристающий молокосос. В малых дозах терпеть его
еще можно. Но на бойфренда он явно не тянет.

Вот если бы он был лет на пять постарше! И поменьше бы занудствовал. Ну почему,
почему он не тот светловолосый кареглазый красавчик?!

Интересно, увижу ли я завтра снова этого блондина? Полностью погрузившись в
мечты о таинственном незнакомце, я замедляю шаг. Случайно ловлю свое отражение в
витрине магазина. Я выгляжу как слабоумная. Глаза горят нездоровым блеском, челюсть
отвисла. Затем мой взгляд падает на часы в глубине магазина, и на них ровно девять. Ровно
девять! Не может быть! Но это так.

Ровно девять, номер девять, мой первый день в девятом классе. Я вляпалась в непри-
ятности, еще даже не начав учебный год.

Девять моих кумиров

1. Джон Леннон —
потому что он
был лучшим
из битлов,
прикольно
рисовал
и был
за мир.

2. Фрида
Кало — потому
что она писала
невероятные картины,
несмотря на то,
что была прикована
к постели и страдала
от невыносимой боли.

3. Анна Франк —
потому что была
удивительный
дневник, прятася
на амстердамском
чердаке во время
войны.

4. Ван Гог —
потому что он был
прекрасным
художником
и продолжал писать
картины, даже
несмотря на то, что
при жизни ему не удалось
продать
ни одной.

5. Энн Райс —
потому что
она пишет книжки
про вампиров
и у нее в доме
огромная коллекция
кукол
в полный
рост
из ки-
тайского
фарфора.

6. Морис Сендак¹ —
потому что у него
классные рисунки,
особенно в книге
«Там, где живут
чудовища».

¹ Американский детский писатель.

7. Джулиан Клары² —
потому что он такой
смелый и эксцентричный
и по-своему
красивый.

8. Зои Болл² —
потому что она
бойкая и жизнерадостная,
и еще мне нравится
смотреть ее передачи
об искусстве.

9. Ник Парк³ —
потому что
я обожаю его
мультфильм
про Уоллеса
и Гроллитта!

¹ Британский актер.

² Британская теле- и радиоведущая.

³ *Британский аниматор.*

Глава 2

Две лучшие подруги

Так странно идти по коридору в кабинет миссис Хендерсон. В этом году миссис Хоккейная Ключка Хендерсон будет нашим классным руководителем. Она ведет у нас в школе физкультуру. И вечно ко мне придирается аж с седьмого класса:

- Догоняй, Элеонора!
- Снова мимо, Элеонора!
- Шевели ногами, деточка, а то уснешь!

Одно время перед началом каждого урока физкультуры я придумывала разные отговорки, лишь бы не заниматься – то притворялась, что у меня голова болит, то жаловалась на болезненные месячные, – но она быстро меня раскусила и заставила бегать шесть кругов по залу за вранье, и каждый раз, когда я замедляла темп, дула что есть мочи в свой противный свисток.

Терпеть не могу миссис Хендерсон. И физру тоже. Магда иногда прогуливает ее вместе со мной, притворяясь, что плохо себя чувствует. У нее есть свои причины недолюбливать физкультуру. Она боится растрепать прическу и сломать ноготь о мяч. Но уж если затащить ее на урок, то она будет носиться по залу быстрее ветра, с легкостью забьет шесть раз подряд в нетболе и проведет хоккейный мяч в ворота с противоположного конца поля.

Зато Надин столь же безнадежна в плане спорта, как и я. Она худышка, но при беге умудряется резко выбрасывать руки и ноги в разные стороны и свешивать набок голову так, что становится похожей на сломанную марионетку.

Как же мне не терпится поскорее встретиться с Магдой и Надин! Я не виделась с ними несколько недель, потому что мы только вчера вернулись из этого дурацкого промозглого Уэльса. Но чем дальше я продвигаюсь по свежевывающему коридору к кабинету, тем медленнее становятся мои шаги. И вообще, что это за ужасные коричневые школьные туфли – какие-то старомодные бабушкины чоботы! Ну почему в других школах девчонки могут носить что угодно – хоть шпильки, хоть кроссовки, хоть «мартенсы»... А какие туфли я недавно видела в «Шеллис»! На высоком каблуке, а сами такого бронзового цвета с отливом. Бронзовый – почти что как коричневый. Коричневатый. Я долго упрашивала Анну купить мне их для школы, но она так и не согласилась. Это нечестно. Сама-то она носит плоские лодочки только потому, что ростом на дюйм выше моего отца и сильно из-за этого комплексует.

– Элеонора Аллард?

О боже, это мисс Трампер, завуч. Еще хуже, чем миссис Хендерсон. Уроки еще не успели начаться, а она уже вышла на тропу войны. Вот въедливая старушенция. И чего ей неймется?

- Что вы делаете в коридоре во время занятий, Элеонора?
- Ничего, мисс Трампер.
- Это я и так вижу. Кто ваш классный руководитель в этом году?
- Миссис Хендерсон, – говорю я и киваю в сторону двери напротив.
- Тогда почему вы стоите и не заходите? Вы же не хотите сказать, что вас выгнали из класса за плохое поведение на первом же уроке?
- Нет, что вы, я туда даже не входила.
- Тогда войдите сейчас, Элеонора. Немедленно!

Я хватаюсь за ручку двери. Слышу, как миссис Хендерсон вовсю распинается, подробно инструктируя учеников насчет соблюдения всей тысячи правил, предписанных

для девятого класса «Нептуна». Ах да, забыла сказать, что в нашей школе все четыре параллели каждого года обучения названы в честь планет: Венера, Марс, Меркурий и Нептун. Почему, интересно, Уран не выбрали? Мы в классе «Нептун», и поэтому на наших значках изображен маленький трезубец. Ерунда какая-то. Никому из нас не нравится быть в классе «Нептун». Магде больше по душе Венера, а Надин хочет быть в классе «Марс», потому что она любит одноименные шоколадные батончики, а я бы с радостью поучилась в «Меркурии», потому что питаю слабость к безвременно покинувшему нас Фредди⁷...

– Элеонора! – шипит на меня мисс Трампер, замершая посреди коридора. – Вы что, впали в ступор?

Господи, как остроумно.

– Нет, мисс Трампер.

– Тогда идите в класс.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваю ручку двери. Вхожу. Первым делом вижу миссис Хендерсон, которая сидит на учительском столе и покачивает ногами. На ней ужасная плиссированная юбка, призванная показать, что она как-никак классный руководитель, но на ногах при этом носки с кроссовками, чтобы по окончании своей первой познавательной лекции было в чем ринуться в спортзал.

Я тут же получаю нагоняй. Она так усердствует, что мои бедные уши увеличиваются до слоновьих размеров. До меня доносятся слова типа «первый день», «безответственное отношение» и «неудовлетворительное поведение».

Я опускаю голову и делаю вид, что сгораю от стыда, только бы она поскорее уgomонилась. Исподлобья оглядываю класс, выискивая Магду и Надин. Обнаруживаю их на задней парте. Отлично! Магда вовсю улыбается, Надин чуть заметно машет мне рукой. Они заняли мне место рядом с собой. Наконец миссис Хендерсон выдыхается и разрешает мне сесть. Магда шепчет мне «Привет, красотка!», а Надин делится жвачкой. Я устраиваюсь поудобнее, и мой новый учебный год официально начинается. Спасибо, что в честь первого школьного дня миссис Хендерсон не оставила меня после уроков за опоздание.

Первые дни всегда проходят сумбурно. Новое расписание, новые тетради, и вдобавок каждый учитель считает своим долгом прочитать нам лекцию на тему «Что нас ждет в девятом классе». Потом на большой утренней перемене Крисси показывает нам свои фотографии с Барбадоса, куда она ездила отдыхать, а Джесс рассказывает про то, как на каникулах прыгала с тарзанки, и даже пытается изобразить, как это было, поэтому нам с Магдой и Надин удастся остаться втроем только после обеда.

Мы направляемся на наше любимое место – ступеньки, ведущие вниз к раздевалкам, – где мы тусуемся все последние два года. Там мы обнаруживаем первоклашек, которые пытаются делать стойку на руках у стенки, заправив при этом юбки в мышиного цвета трусы от школьной спортивной формы.

– А ну, брысь отсюда! – шикает на них Магда. – Идите машите ногами где-нибудь в другом месте, обезьянки. А то в глазах от вас рябит.

Девчонки выпрямляются и глупо хихикают, а когда Магда грозно хлопает в ладоши, с визгом разбегаются.

– Итак, – говорит Магда, усаживаясь на ступеньку. Ее юбка на добрых шесть сантиметров короче моей. Чуть нагнется – и вся школа увидит ее трусы. Да еще какие.

Надин садится рядом и сразу же сбрасывает свои поношенные школьные туфли. Через капроновые колготки просвечивает черный лак педикюра.

Я расталкиваю Магду и Надин локтями и плюхаюсь посередине, чувствуя внезапный прилив нежности к своим любимым подругам.

⁷ Фредди Меркури – солист британской рок-группы «Куин».

С Надин мы дружим еще с детского сада, с тех пор, как вместе размазывали зеленый пластилин по стенам игрового домика и изображали, как отравили всех кукол ядом. Мы были лучшими подругами всю начальную школу. На детской площадке играли в ведьм, в бассейне изображали русалок, а когда оставались друг у друга в гостях с ночевкой, наряжались привидениями. Мы поклялись, что останемся лучшими подругами по гроб жизни. А во втором классе средней школы нам больше не позволили сидеть с кем хочешь. Нас рассадил в алфавитном порядке, и таким образом я оказалась за одной партой с Магдой.

Сначала я Магду немного побаивалась. Уже в одиннадцать лет она тщательно следила за собой, носила замысловатые прически и красила ресницы толстым слоем туши, отчего выглядела очень по-взрослому. А еще у нее были идеально выщипанные брови, которые она скидывала каждый раз, когда удостаивала меня взглядом.

В первую неделю она со мной едва разговаривала. А потом как-то раз я сидела в классе и рисовала на обложке черновика портрет суперстильной модницы Магды. Я изобразила ее в виде хитрой кошечки с длинными усами и пушистым хвостом. Себя изобразила в виде маленькой толстенькой перепуганной мышки с маленьким носиком и скрюченными лапками. Магда незаметно наклонилась ко мне через плечо и увидела рисунок. Она сразу же все поняла.

– Отлично у тебя выходит, Элли. Молодец! – сказала она.

Я сделала еще несколько рисунков, и они ей тоже понравились. Так мы и подружились. И она захотела быть моей лучшей подругой.

Но у меня ведь уже была Надин. И Надин Магду поначалу сильно недолюбливала. Но когда однажды после школы Магда пригласила меня к себе в гости, я уговорила Надин пойти вместе со мной. В качестве моральной поддержки. Я представляла себе Магду живущей в роскоши и уединении, но все вышло совершенно наоборот. У нее оказалась большая, шумная и ужасно милая семья, где Магду все любили и баловали как могли. Дома она вела себя совсем как маленькая. Мы с Надин поднялись в ее комнату, и там Магда сделала каждой из нас полный макияж. Мне нарисовала большие черные глаза и еще провела тонкую линию по обеим сторонам щек, чтобы казалось, будто у меня высокие скулы. До этого я никогда не пользовалась косметикой, и мне все дико понравилось. Надин к идее макияжа сперва отнеслась скептически, но Магда уговорила ее попробовать. Она накрасила Надин в готском стиле – с мертвенно-бледным выбеленным лицом, черными губами и изумительной подводкой глаз. Когда Надин увидела свое отражение в зеркале, она расплылась в улыбке от уха до уха и тоже захотела дружить с Магдой.

С тех пор мы дружили втроем, весь седьмой и восьмой классы. А теперь мы в девятом, и нам по тринадцать лет, хотя Магде уже почти четырнадцать, а Надин исполнится четырнадцать в декабре. Мне же еще ждать дня рождения аж до следующего июня.

Это несправедливо. Из нас троих я выгляжу младше всех – из-за невысокого роста и легкой полноты. А еще у меня ужасно толстые щеки, а на них – о, ужас! – ямочки. Я уже успела привыкнуть к тому, что Магда выглядит по-взрослому, особенно после того, как она стала делать мелирование. Но Надин, с личиком в форме сердечка и распущенными черными волосами, всегда смотрелась младше своих лет. Этакая Алиса наоборот. Но теперь и она выглядит как-то иначе...

– Ну, чего молчите, давайте рассказывайте, а то сто лет вас обеих не видела. Чем занимались все лето? – выпаливает Магда и, не останавливаясь, выкладывает нам все о своих каникулах в Испании. О том, как все официанты глаз с нее не сводили, а парень, дежуривший у бассейна, все время подхватывал ее и сбрасывал в воду, а другой парень, постарше, постоянно покупал ей в баре напитки. Словом, обычная ерунда в стиле Магды, так что я даже не вслушиваюсь, а наблюдаю за Надин. Похоже, она тоже слушает Магду вполуха. Она наклонилась вперед – так, что волосы закрыли лицо черной бархатной занавесью. Черным флома-

стером она старательно вырисовывает на запястье татуировку в виде сердечка. На Надин это совершенно не похоже. Раньше она ничего, кроме черепов или пауков, на себе не рисовала.

– А у тебя что новенького, Надин? – спрашиваю я, как только Магда перестает болтать.

– В каком смысле? – отзывается Надин. – Если ты про каникулы, то мы с тех пор уже виделись – помнишь, перед твоим отъездом в Уэльс. Все было просто чудовищно. Всеобщее безудержное веселье. В каждой очереди приходилось стоять по часу, а вокруг шныряли детишки в накладных ушах Микки-Мауса и ростовые куклы, которые махали ручкой всем и каждому. Все такое яркое, что у меня всю дорогу в глазах рябило.

– Полезай обратно в свой гроб, мисс вампирша, – шутит Магда. – Держу пари, что Наташе там понравилось.

Наташа – младшая сестра Надин. Мы с Надин ее терпеть не можем, а вот Магда, добрая душа, обожает детишек. Она даже Цыпу обожает. И вечно сетует на то, что у нее нет младших братьев и сестер.

– Наташа слопала четыре мороженных подряд, и потом ее стошнило прямо на новенькую розовую футболку с Минни-Маус, – сообщает Надин. Одновременно она выводит чернилами имя поперек своего сердечка. Я наклоняюсь, чтобы прочесть:

– Лиам?

Надин краснеет. Вообще-то Надин никогда не краснеет, потому что у нее в организме для этого недостаточно крови, но сейчас за прядями черных волос я явно различаю ярко-розовые пылающие щеки.

– Лиам? – повторяет за мной Магда. – Не знала, что ты фанатка «Оазиса»⁸.

– Это не тот Лиам, – говорит Надин.

Магда переводит взгляд на меня, ожидая разъяснений. Я пожимаю плечами. Мы обе поворачиваемся к Надин.

– Так кто же тогда этот Лиам? – спрашивает Магда.

– Ну... – говорит Надин и делает короткую паузу. – Это мой парень.

– Твой парень?! – вопим мы в один голос.

Я чуть не скатываюсь со ступенек. Надин завела парня. Поверить не могу! Как это она завела парня раньше меня? И главное, раньше Магды? За Магдой вечно увиваются толпы парней – по крайней мере, так она сама утверждает, – но она ни с кем из них не встречается.

– Настоящий парень? – спрашивает Магда, шокированная, судя по всему, не меньше моего.

– Тебе же даже не нравятся мальчики, Надин, – говорю я.

– А Лиам нравится, – отвечает Надин. – К тому же он уже не мальчик. Ему семнадцать. Учится в колледже.

– Ну и где же вы познакомились? – подозрительно спрашивает Магда. – Раньше ты о нем даже не упоминала.

– Да уж, Надин, в твоих летних письмах не было ни слова о Лиаме, – говорю я.

Пока я тухла в уэльском доме, со скуки пачками строчила письма Магде и Надин. Магда редко удосуживается нормально отвечать. Обычно она отделяется открытками, подписанными «Люблю. Целую. Магда». Это, конечно, очень мило с ее стороны, но не очень-то информативно.

Надин в этом смысле куда более ответственна. Она шлет ответы на нескольких страницах, исписанных аккуратным почерком, и всегда кладет в конверт горстку звездочек с полумесяцами. Но, помнится, писала она только о том, что полюбила какую-то там новую рок-группу, и о том, что учится читать карты Таро. А еще без конца жаловалась на своих родичей. Отец вечно на нее наседает и заставляет лучше учиться, хотя она и ходит в отличниках. Он

⁸ Британская рок-группа, солист Лиам Галлахер.

хочет, чтобы Надин была лучшей по всем предметам, но это невозможно, потому что лучшая у нас Эмна, у которой коэффициент интеллекта зашкаливает как у супергения, и тягаться с ней никому не под силу, как ни старайся. А матери не нравится ее стиль одежды, макияж и прическа, и она пристаёт к Надин с угрозами принарядиться и ходить, сверкая ослепительной улыбкой американской чирлидерши⁹. А уж Наташа – так это просто чудовище в гольфиках, которое притворяется ангелом в присутствии мамы с папой и мигом превращается в исчадие ада, как только за ней остается присматривать Надин.

Обо всей этой ерунде она писала мне все лето и даже ни словечком не обмолвилась о Лиаме. Я чувствую себя глубоко оскорбленной. Мы с Надин всегда рассказывали друг дружке обо всем.

– Почему ты мне ничего не сказала? – спрашиваю я дрожащим голосом чуть не плача.

– Потому что я познакомилась с ним только на днях, – говорит Надин, вытягивая руку и любуясь своей свежей романтической татуировкой.

– Так-так, – прищуривается Магда. – То есть это просто новый знакомый, а вовсе не настоящий парень?

– Тот, кого бы ты хотела видеть своим парнем, – уточняю я, воспрянув духом и собираясь поведать историю о сногшибательном блондине, который попался мне на глаза утром по дороге в школу.

– Нет, почему же. В прошлую субботу вечером у нас с Лиамом было свидание, – говорит Надин. – Мы познакомились утром в музыкальном магазине. Я рылась в дисках отдела альтернативной музыки, и он тоже, а потом оказалось, что мы ищем одну и ту же группу, но у них в магазине был всего один такой диск, и он уступил его мне.

– И тут же пригласил на свидание? – спрашиваю я с подозрением.

– Ну... для начала мы немного поговорили. Правда, говорил в основном он. Мне вообще в голову ничего путного не лезло. Я стояла как истукан и судорожно соображала, что бы такое сказать. А потом он спросил, не хочу ли я пойти вечером на концерт одной рок-группы в пабе «Хитрая лисица», и я сказала, что хочу. Хотя раньше никогда не бывала в «Хитрой лисице». Раньше я вообще в пабах не бывала. Мама с папой ни за что бы меня туда не отпустили, поэтому я сказала им, что ты, Элли, пораньше вернулась из деревни, и Магда пригласила нас обеих к себе на вечеринку, и что на обратном пути твой отец подбросит меня домой. Пришлось так сказать, потому что концерт заканчивался поздно. Надеюсь, ты на меня не сердишься?

– Ты что, пошла туда одна?! – восклицаю я изумленно, не в силах поверить во всю эту историю. Надин всегда была такой тихоней. Обычно по вечерам она сидела запершись в комнате и слушала свою чудачковатую музыку. И никогда никуда не выбиралась.

– Ну и как, удачное вышло свидание? – спрашивает Магда.

– Честно говоря, я даже не ожидала, что все так сложится. Во-первых, мне было дико страшно идти туда одной. А во-вторых, я была уверена, что меня не пустят в паб, потому что я еще не доросла.

– Почему ты мне не позвонила? – возмущается Магда. – Я бы пошла с тобой.

– Да, но он мог бы на это не согласиться. Или запал бы на тебя, а про меня забыл, – говорит Надин.

Магда с пониманием кивает.

– Я думала, что загляну совсем ненадолго, посмотрю одним глазком и в случае чего быстренько смоюсь домой. Но когда я туда пришла, он меня уже ждал, заплатил за вход на концерт, а после проводил домой. До угла улицы. Дальше я ему не разрешила, а то мама с

⁹ Чирлидер – девочка с хорошими физическими данными и хореографическими способностями, участница группы поддержки, развлекающей зрителей во время пауз на спортивных мероприятиях.

папой могли увидеть. А еще мы договорились встретиться снова в следующую субботу – так что можно я скажу родителям, что пойду к тебе, а, Элли?

– Конечно, без проблем, – машинально отвечаю я.

– А какой он? – интересуется Магда.

– Просто супер. Темные волосы, темные глаза, модный прикид.

– Ты сказала ему, сколько тебе лет? – спрашиваю я.

– Не сразу. Я соврала, что мне пятнадцать. И он сказал: «Что ж, почти взрослая», – хихикает Надин.

– О боже, – закатывает глаза Магда.

– Да, но потом, когда я говорила ему про вас, то сказала, что дружу с Элли чуть ли не с рождения, а с Магдой все два года средней школы, и только тогда поняла, что прокололась. Лиам меня, конечно, раскусил и отругал понарошку. Вообще-то он не против, что мне только тринадцать. Тем более что уже почти четырнадцать. Он говорит, что я выгляжу старше своих лет.

– Ясно, – говорит Магда. – Вы уже целовались?

– Сто раз.

– Что, прямо рот в рот?

– Естественно, – как ни в чем не бывало отвечает Надин. – Он потрясно целуется.

У меня отваливается челюсть. Раньше, когда мы с Надин обсуждали французские поцелуи, то всегда сходились на том, что облизывать у себя во рту чей-то язык – гадость несусветная.

– Но ведь ты говорила... – пытаюсь я возразить.

– Помню-помню, – смеется Надин, – но с Лиамом все по-другому.

– Классно было, правда? – приободряется Магда, которая уже не раз отчитывалась перед нами о своих любовных приключениях.

Надин смотрит на меня чуть ли не с жалостью.

– Вот увидишь, Элли, – говорит она мне, – когда у тебя появится собственный парень, ты все поймешь.

Ну все, приехали.

Мой рот открывается сам собой и начинает говорить помимо моей воли.

– Не беспокойся, у меня уже есть собственный парень, – выпаливаю я.

Надин смотрит на меня в изумлении.

Магда смотрит на меня в изумлении.

У меня такое впечатление, что я сама выпрыгнула из собственных очков и смотрю на себя в изумлении.

Что я сейчас сказала?

Что я наделала?

Зачем?

Но теперь уже ничего не изменишь...

Девять желаний

1. Хочу, чтобы у меня по-настоящему был парень.

2. Хочу похудеть килограмм на шесть. А лучше на двенадцать.

3. Хочу быть на шесть дюймов выше.

4. Хочу иметь длинные шелковистые светлые волосы.

5. Хочу кожаную куртку.

6. Хочу новые туфли от «Шелли».

7. Хочу, чтобы мне было восемнадцать.

8. Хочу, чтобы в мире больше не было ни войн, ни бедности, ни болезней.

9. Хочу, чтобы мама была жидкой.

Глава 3

Три парня

И вот я слышу со стороны собственный голос, повествующий историю о парне, с которым познакомилась на каникулах в Уэльсе. Мой голос бодро треплется о том, как я встречала этого парня чуть ли не каждый день, но нам никак не представлялась возможность познакомиться до тех пор, пока хмурым дождливым днем мы случайно не встретились на романтических развалинах древнего замка.

– Мы буквально упали друг другу в объятия! – заключаю я.

А что, чистая правда.

Потом я говорю, что его зовут Дэн. Девчонки тут же спрашивают, сколько ему лет.

– Ну, вообще-то он не такой взрослый, как твой Лиам, Надин, – отвечаю я.

Что тоже правда.

– Так все-таки сколько ему лет? – допытывается Магда.

– Ему... пятнадцать, – говорю я.

Ну когда-то же ему исполнится пятнадцать... Годика через три.

– А как он выглядит? Красавчик? А одевается классно? – продолжает наседать Магда.

– О, он безумно симпатичный, – отвечаю я, оставляя все попытки придерживаться правды. – У него светлые волосы. И прикольная челка. А глаза темно-карие. И такой взгляд... В общем, мечта, а не парень. Одевается обычно, без наворотов. Джинсы, толстовки – по крайней мере, это он носил на каникулах. Жаль, конечно, что мы с ним встретились только под конец, но зато когда разговорились, было такое чувство, что мы всю жизнь знакомы.

– Вы с ним целовались? – спрашивает Надин.

– Увы, подходящего случая пока не представилось. С нами всегда поблизости были взрослые. Нам удалось уединиться ненадолго во время прощального пикника, но как только он потянулся ко мне, чтобы поцеловать, примчался Цыпа и все испортил. Честное слово!

– О чем это вы с таким пылом здесь распинаетесь, Элеонора?

О, черт, это миссис Хендерсон, которая успела переодеться в спортивный костюм и теперь несется в спортзал.

Я опускаю глаза, краснею как рак и изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не прыснуть со смеху.

– Это она о своем парне! – отвечает за меня Магда.

– Неужели? – закатывает глаза миссис Хендерсон. – Похоже, ни о чем другом вы разговаривать не умеете. У всех одно на уме. Тысячи умных, целеустремленных женщин двадцатого века десятилетиями боролись за то, чтобы дать вам возможность получать полноценное образование, расширять кругозор, а в результате вы сидите тут на лестнице и болтаете о мальчиках, вместо того чтобы думать об учебе.

– Вовсе нет, миссис Хендерсон, – возражает Магда. Но, как видно, зря.

– Немедленно закругляйте свои разговорчики. Завтра все трое останетесь после уроков, потому что звонок на урок, между прочим, прозвенел пять минут назад, а вы так увлеклись, что не заметили. А теперь марш в класс, немедленно!

Мы сломя голову несемся на урок. От учительницы по английскому получаем очередной нагоняй за опоздание. Так нечестно. Потому что лично я люблю английский. Это единственный предмет, в котором я что-то смыслю, кроме ИЗО конечно. Миссис Мэдли сверлит нас недовольным взглядом, потом долго отчитывает и рассказывает по разным концам класса. Я оказываюсь на первой парте.

В этом году мы будем проходить «Ромео и Джульетту». Все думают, что это скучотища. Но лично я люблю Шекспира. Мне нравится, как он подбирает слова, хотя половины из них я не понимаю. Начало и в самом деле довольно занудное, но чуть подальше, когда в первый раз появляется Джульетта, становится гораздо интереснее. Джульетте всего тринадцать лет, почти четырнадцать, так что она бы тоже могла учиться в девятом классе. Но, насколько я понимаю, мать и кормилица хотят поскорее выдать ее замуж.

Я пытаюсь представить себе, каково это – выйти замуж в тринадцать лет во времена Джульетты. Неплохо, должно быть, при наличии богатеньких родственников, готовых выплачивать за тебя ипотеку за итальянскую виллу, кучи слуг, которые стирают и гладят твои средневековые шмотки от Версаче и доставляют пиццу прямо в супружескую кровать с балдахином...

Вдруг я слышу, как миссис Мэдли выкрикивает мое имя, и едва не подпрыгиваю на месте.

– Элеонора Аллард! Помимо того что вы опоздали на мой урок на целых десять минут, вы еще и не слушаете! Да что с вами такое?

– Она влюбилась, миссис Мэдли, – снова отвечает за меня Магда. Интересно, она хоть когда-нибудь может помолчать?

Миссис Мэдли издает протяжный жалобный стон, в то время как весь класс покатывается со смеху.

Похоже, я снова влипла, и довольно серьезно. Я бешено шарю глазами по раскрытой передо мной странице и неожиданно вижу как нельзя лучше соответствующую моменту строчку.

– «Не поднимусь, паду под бременем любви», – цитирую я вслух.

Миссис Мэдли немного смягчается. Кажется, мне удалось ее немного рассмешить.

– Смотрите не расшибитесь насмерть, Элеонора, – говорит она. – Почитайте, что произошло с этими несчастными любовниками в конце книги. Так, девочки, а теперь все быстренько успокоились и сосредоточились на Шекспире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.